

Нужно признать, однако, что тот литературно-письменный язык, который создал для себя и которым пользовался Радищев, носил характер условности⁴¹ в той степени, в какой опирался на мертвый культурный и священный церковнославянский язык (вследствие чего языковые идеалы Радищева должны были располагаться в прошлом),⁴² в той степени, в какой со страстью и эклектизмом коллекционера он сводил воедино все, чем украшено было языковое прошлое и настоящее отечественной культуры. Естественно, что рожденный таким образом язык не годился для того, чтобы послужить основой национальной культуры, способной объединить основную массу образованного населения разных сословий.

Задачей отбора необходимого из накопленного языкового материала занялся карамзинский «новый слог», что обеспечило ему победу в тот исторический период. Между тем Радищев, соединив в своей практике важнейшие письменно-языковые традиции, как бы подвел итог языковому развитию XVIII в. Как писатель и стилист он обратил взгляд в будущее, предложив содержательные мотивировки использования народных и церковнославянских языковых элементов.

⁴¹ Радищев употребляет членные причастные формы на *-ай, -яй* не только грамматически правильно при субъектах мужского рода единственного числа, но и при множественном числе и при женском роде (*цари седяй, стали творяй, вещественность недействуяй*). Точно так же употребление аориста (*собрашася, согреших, исполнися*) нельзя рассматривать для этого времени иначе, чем стилизацию. Особенно часты случаи предпочтения лексико-морфологических архаизмов среди параллельных образований (*ответствие при ответ*) (ср. подобные наблюдения Г. О. Винокура — «Избранные работы», с. 159).

⁴² Радищев «отчасти даже вопреки своей идеологической направленности в своем слоге культивирует не только отмирающее, но и уже определенно умершее» (*Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка*, т. 2. Киев, 1958, с. 64).